

Annals of the
American Republics

Annotation

Из сборника «Балтасар».

- [Лета Ацилия](#)
    - [I](#)
    - [II](#)
    - [Заметки по поводу толкования одного места Св. Писания](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Лета Ацилия

Посвящается Ари Ренану[\[1\]](#)

Лета Ацилия жила в Массилии в царствование императора Тиберия^[2]. Уже несколько лет она была замужем за неким римским всадником по имени Гельвий, но еще не имела детей и страстно желала стать матерью. Однажды, подходя к храму, куда она шла помолиться богам, она увидела под портиком толпу полуголых людей, исхудалых, изъеденных проказой и язвами. В испуге женщина остановилась на первой же ступени. Лета была милосердна. Она жалела бедняков, но боялась их. К тому же она ни разу еще не встречала таких страшных нищих, как те, что толпились сейчас перед ней: озябшие, истомленные, уронив пустые сумы на землю, они едва держались на ногах. Лета побледнела и прижала руку к сердцу. Она чувствовала, что у нее подкашиваются ноги, что у нее нет сил ни шагнуть вперед, ни бежать обратно, но тут из толпы нищих вышла женщина ослепительной красоты и приблизилась к ней.

— Не бойся, женщина, — сказала незнакомка торжественным и мягким голосом. — Перед тобой не злодеи. Не обман, не обиду несут они с собой, но истину и любовь. Мы пришли из земли Иудейской, где сын божий умер и воскрес. Когда он воссел одесную отца, уверовавшие в него претерпели великие муки. Народ побил Стефана камнями^[3]. Нас же священники погрузили на корабль без ветрил и руля и пустили на волю волн морских, чтоб мы в них погибли. Но господь, возлюбивший нас во время земной своей жизни, благополучно привел судно к пристани этого города. Увы! Массалиоты скупы, жестокосердны и поклоняются идолам. Им не жаль учеников Иисусовых, умирающих с голоду и холоду. И если бы мы не нашли убежища под сводами этого храма, который они почитают священным, они уже ввергли бы нас в мрачные темницы. А между тем надо было бы радоваться нашему приходу, раз мы несем с собой благую весть.

Сказав так, чужестранка протянула руку и, указывая по очереди на каждого из своих спутников, сказала:

— Этот старец, который обращает к тебе, женщина, свой просветленный взор, — Седон, слепой от рождения, исцеленный учителем. Ныне Седон видит одинаково ясно и зримое и незримое. Тот, другой старец, борода которого бела, как снег горных высот, — Максимен. Вот тот человек, еще молодой, но уже такой усталый на вид, — мой брат. Он владел великими богатствами в Иерусалиме. Рядом с ним — Марфа, моя сестра, и Мантилла, верная служанка, которая в прошлые счастливые дни собирала

маслины на холмах Вифании.

— А тебя, — спросила Лета Ацилия, — тебя, чей голос так нежен, а лицо так прекрасно, как зовут тебя?

— Меня зовут Марией Магдалиной. По золотому шитью на твоём платье и по невинной гордости твоего взора я догадалась, что ты жена одного из виднейших горожан. Вот я и прибегаю к тебе, чтоб ты смягчила сердце твоего мужа и склонила его оказать милость ученикам Иисуса Христа. Скажи ему, человеку богатому: «Господин, они наги — оденем их, они голодны и мучимы жаждой — дадим им хлеба и вина, и бог воздаст нам в царствии своем на все то, что было взято у нас во имя его».

Лета ответила:

— Мария, я сделаю так, как ты говоришь. Моего мужа зовут Гельвием, он всадник и один из самых богатых жителей города. Никогда еще не приходилось мне долго просить его о чем-нибудь, потому что он любит меня. Теперь твои спутники, о Мария, уже не страшат меня, я не побоюсь пройти среди них, хотя язвы и разъедают их тело, и пойду в храм молить бессмертных богов, чтоб они исполнили то, о чем я прошу. Увы! До сего дня они отказывали мне в этом.

Мария, простерши обе руки, преградила ей дорогу.

— Стой, женщина! — воскликнула она. — Не поклоняйся ложным богам. Не жди от каменных истуканов слов надежды и жизни! Есть только один бог, и бог этот стал человеком, и я отерла ноги ему своими волосами.

При этих словах глаза ее, чернее неба в грозу, сверкнули молниями и слезами. И Лета Ацилия в глубине своего сердца подумала: «Я благочестива, я неуклонно выполняю все предписанные религией обряды, а эта женщина охвачена каким-то необъяснимым чувством божественной любви».

Магдалина же продолжала вдохновенно:

— Он был бог неба и земли и говорил притчами, сидя на скамье у двери дома, в тени старой смоковницы. Он был молод и прекрасен; он хотел быть любимым. Когда он приходил на вечерю в дом к моей сестре, я садилась у его ног, и слова лились из уст его, как воды потока. И когда сестра, сетуя на мою праздность, восклицала: «Учитель, скажи ей, чтобы она помогла мне приготовить трапезу», он кроткой улыбкой оправдывал меня, не гнал от ног своих и говорил, что я избрала благую часть. Его можно было принять за молодого пастуха, пришедшего с гор, но глаза его горели огнем, подобным тому огню, что исходил от чела Моисея. Кротость его напоминала тишину ночи, а гнев был страшнее грозы. Он любил смиренных и малых. Дети выбегали на дорогу навстречу ему и хватали

край его одежды. Он был богом Авраама и Иакова. Теми самыми руками, что сотворили солнце и звезды, он гладил щечки новорожденных младенцев, которых радостные матери протягивали ему, стоя на пороге своих хижин. Он сам был прост, как дитя, и он воскрешал мертвых. Ты видишь здесь среди нас моего брата, которого он вызвал из гроба. Взгляни, о женщина, — на челе Лазаря еще лежит мертвенная бледность, а в глазах его ужас человека, видевшего загробный мир.

Но Лета Ацилия уже не слушала ее.

Она обратила к иудейке свой спокойный взор и бездумное чело.

— Мария, — сказала она, — я женщина благочестивая, преданная религии моих отцов. Нечестие вредно для нас, женщин. И не подобает супруге римского всадника обращаться к новым богам. Однако я признаю, что на Востоке есть милостивые боги. Твой бог, Мария, кажется мне, из их числа. Ты сказала, что он любил детей и целовал младенцев на руках у их молодых матерей. Я вижу, что он бог благожелательный к женщинам, и жалею, что он не в почете у знатных должностных лиц, иначе я бы охотно принесла ему в жертву медовые лепешки. Но послушай, Мария-иудейка, обратись к нему ты, ибо он любит тебя, и попроси за меня о том, о чем я не смею просить и в чем отказали мне мои богини.

Лета Ацилия произнесла эти слова нерешительным голосом. Она замолкла и покраснела.

— Что же это такое, — спросила с живостью Магдалина, — и чего недостает, женщина, твоей смятенной душе?

Немного успокоившись, Лета Ацилия ответила:

— Мария, ты женщина, и, хотя я не знаю тебя, мне кажется, я могу доверить тебе мою женскую тайну. Я замужем уже шесть лет, и у меня все еще нет ребенка, и это великое горе. Мне нужен ребенок, чтоб любить его. Я ношу в сердце любовь к маленькому существу, которого жду и, может быть, никогда не дождусь. Я задыхаюсь от этой любви. Если твой бог, Мария, по твоему предстательству исполнит то, в чем мои богини мне отказали, я поверю, что он добрый бог, и полюблю его, а тогда его полюбят и мои подруги, такие же, как я, молодые, богатые и принадлежащие к знатнейшим семействам в городе.

Магдалина ответила строго:

— Дочь римлян, когда ты получишь то, о чем просишь, не забудь обещание, данное мне, рабе Иисусовой.

— Не забуду, — ответила массалиотка. — А пока возьми этот кошелек, Мария, и раздай серебро, которое в нем, твоим спутникам. Прощай, я иду домой. Я распорядюсь, чтоб тебе и твоим спутникам

принесли корзины с хлебом и мясом. Скажи брату, сестре и друзьям твоим, что они могут, не опасаясь, покинуть приют, в котором укрылись, и перебраться куда-нибудь в предместье на постоянный двор. Гельвий пользуется властью в городе и не допустит, чтоб их притесняли. Да хранят тебя боги, Магдалина! Когда ты захочешь вновь повидать меня, спроси любого прохожего, где живет Лета Ацилия, каждый укажет тебе мой дом.

II

И вот полгода спустя Лета Ацилия возлежала на пурпурном ложе во дворе своего дома и мурлыкала детскую песенку, которую когда-то певала ей мать. В бассейне, откуда выглядывали мраморные тритоны, весело журчала вода, и теплый ветерок ласково играл с шепчущей листвою старой чинары. Усталая, томная и счастливая, тяжелая, как пчела, вылетевшая из цветущего сада, молодая женщина сложила руки на своем округлившемся стане и, прервав песню, обвела взглядом все окружающее и вздохнула от счастья и гордости. У ее ног черные, желтые и белые невольницы усердно работали иглой, челноком и веретенем, готовя приданое для ожидаемого младенца. Лета, протянув руку, взяла крохотный чепчик, который, смеясь, подала ей черная старая невольница. Лета надела чепчик на свой сжатый кулачок и тоже рассмеялась. Это был расшитый золотом, серебром и жемчугом маленький пурпурный чепчик, роскошный, как сон бедной африканки.

Тут во внутренний двор вошла неизвестная женщина. На ней была одежда из цельного куска ткани, цветом своим напоминавшая дорожную пыль. Длинные волосы ее были посыпаны пеплом, но лицо, обожженное слезами, все еще сияло гордостью и красотой.

Рабыни, приняв незнакомку за нищую, поднялись, чтобы прогнать ее, но Лета Ацилия, узнав пришедшую с первого же взгляда, поспешила к ней навстречу и воскликнула:

— Мария, Мария, воистину ты избранница божия. Тот, кого ты любила на земле, услышал тебя на небесах и исполнил то, о чем я просила по предстательству твоему. Вот смотри, — добавила она.

И она показала Марии чепчик, который держала еще в руке.

— Как я счастлива и как благодарна тебе!

— Я знала, что будет так, — ответила Мария Магдалина, — я пришла наставить тебя, Лета Ацилия, в истине Христова учения!

Тогда Лета Ацилия отослала невольниц и предложила иудейке сесть в кресло из слоновой кости, подушки которого были расшиты золотом. Но Магдалина с презрением отвергла кресло и села, поджав ноги, прямо на землю, под высокой чинарой, ветви которой тихо роптали при дуновении ветерка.

— Дочь язычников, — сказала Магдалина, — ты не презрела учеников господних. Они жаждали — и ты напоила их, они голодали — и ты

насытила их. Потому-то я хочу, чтоб ты узнала Иисуса, как я его знаю, и возлюбила его, как я его люблю. Я была грешницей, когда впервые увидела его, прекраснейшего из сынов человеческих.

И она рассказала, как бросилась к ногам Иисуса в доме Симона Прокаженного и как вылила на стопы обожаемого учителя весь нарד, содержащийся в алебастровом сосуде. И потом она передала слова кроткого учителя, произнесенные им тогда в ответ на ропот его грубых учеников.

«Что смущаете вы эту женщину? — сказал он. — Она доброе дело сделала для меня, ибо нищих всегда имеете с собою, а меня не всегда имеете. Она заранее умастила тело мое и приготовила меня к погребению. Истинно говорю вам, где ни будет проповедано евангелие сие, в целом мире сказано будет о том, что она сделала, и за это ее восхвалят».

Потом Магдалина рассказала, как Иисус изгнал из нее семь бесов, которыми она была одержима, и прибавила:

— С тех пор, упоенная, сжигаемая радостями веры и любви, я жила подле учителя, как в новом раю.

Она говорила о полевых лилиях, которыми они вместе любовались, и о бесконечном единственном счастье — о счастье верить.

Потом она рассказала, как он был предан и распят ради спасения своего народа. Она вспоминала непередаваемые словами страсти господни, его положение во гроб и воскресение.

— Я первая увидела его! — воскликнула она. — Я застала двух ангелов в белых одеждах, одного в изголовье, другого в ногах, там, где было положено тело Иисуса. И они сказали мне: «Женщина, о чем ты плачешь?» — «Я плачу потому, что они взяли господа моего, и я не знаю, где положили его». О радость! Иисус шел ко мне, и я подумала сперва, что это садовник, но он позвал меня: «Мария», и я узнала его по голосу. Я воскликнула: «Учитель!» — и протянула руки, но он ответил мне кротко: «Не прикасайся ко мне, ибо я еще не взошел к отцу моему!»

Пока Лета Ацилия внимала рассказу Марии Магдалины, радость и душевный покой ее мало-помалу исчезали. Оглядываясь на себя, на свою жизнь, она находила ее такой однообразной по сравнению с жизнью этой женщины, которая любила бога. Для нее, молодой и благочестивой патрицианки, самыми примечательными были те дни, когда она угощалась лакомствами вместе со своими подругами. Игры в цирке, любовь Гельвия, рукоделье тоже заполняли ее существование. Но что все это в сравнении с теми воспоминаниями, коими Магдалина разжигала свои чувства и душу? Она ощутила вдруг, как ее сердце переполнилось горькой ревностью и

смутными сожаленьями. Она завидовала божественным похождениям и даже неизъяснимым страданиям этой иудейки, знойная красота которой еще сияла под пеплом покаяния.

— Ступай прочь, иудейка, — крикнула она, стараясь удержать кулачками выступившие на глазах слезы. — Ступай прочь! Только что я была так спокойна! Я думала, что я счастлива. Я не знала, что на свете есть иное счастье, чем то, которым наслаждалась я. Я не знала иной любви, кроме любви моего дорогого Гельвия, и иной святой радости, кроме служения богиням по примеру моей матери и бабки. О, все было так просто! Злая женщина, ты хотела вселить в меня отвращение к хорошей жизни, которую я веду. Но тебе это не удалось... Зачем ты рассказываешь мне о твоей любви к какому-то видимому богу? Зачем хвастаешься передо мной, что видела воскресшего учителя, раз я его не увижу? Ты надеялась испортить мне даже радость материнства! Это гадко! Не хочу я знать твоего бога! Ты его слишком любила; чтоб угодить ему, нужно пасть к его ногам, разметав волосы. Это неприличествует жене всадника. Гельвий прогневался бы, если бы я стала так поклоняться богу. Не надо мне веры, которая портит прическу. Нет, я ни за что не расскажу о твоём Христе ребенку, которого ношу под сердцем. Если это маленькое создание будет девочкой, я научу ее любить наших глиняных богинь с пальчик величиной, и она без страха будет в них играть. Вот какие божки нужны матерям и детям. Какая дерзость хвастаться твоими любовными приключениями и приглашать меня принять в них участие! Разве может твой бог стать моим богом? Я не вела жизни блудницы. Не была одержима семью бесами, не шаталась по дорогам, я женщина уважаемая, — ступай прочь...

Магдалина, убедившись, что обращение неверных — не ее призвание, удалилась в дикую пещеру, названную впоследствии Святой. Агиографы единогласно утверждают, что Лета Ацилия обратилась в христианскую веру только много лет спустя, после той беседы, которую я точно передал.

* * *

Заметки по поводу толкования одного места Св. Писания

Некоторые читатели упрекают меня, что я ошибся, назвав Марию из Вифании, сестру Марфы, — Марией Магдалиной. Прежде всего должен согласиться, что евангелие, по-видимому, считает Марию, пролившую благовония на ноги Иисуса, и Марию, которой учитель сказал: «Noli me tangere»^[4], двумя разными женщинами. Здесь я признаю правоту тех, кто сделал мне честь, указав на мою ошибку. В их числе была и некая княгиня православного вероисповедания. Это меня не удивляет. Греки во все времена различали двух Марий. Между тем западная церковь рассматривала этот вопрос иначе. Она, наоборот, очень рано начала отождествлять Марию — сестру Марфы — с Марией-блудницей. Это не согласовано с евангельскими текстами, но трудности, возникающие при чтении текстов, смущают обычно только ученых. Народная поэзия более гибка, чем наука; она не останавливается ни перед чем, умеет обходить препятствия, на которые наталкивается критическая мысль. Благодаря такому счастливому свойству народная фантазия слила воедино обеих Марий и создала чудесный образ Магдалины. Легенда освятила его, а я в своем коротеньком рассказе вдохновился легендой и считаю, что абсолютно прав. Но это не все. Я могу еще сослаться на авторитет ученых. Не хвастая; скажу, что на моей стороне Сорбонна. 1 декабря 1521 года она заявила; что существовала только одна Мария.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

СНОСКИ

1

Ари Ренан (1857–1900) — сын историка Эрнеста Ренана, художник и поэт.

Массилия — город Марсель, входивший в состав римских владений (отсюда ниже жители его называются массалиотами).

По церковной легенде, св. Стефан, первый ученик христианской церкви, был обвинен в богохульстве фанатиками Ветхого Завета, приговорен к казни и побит камнями.

4

«Не прикасайся ко мне» (лат.).